

ОТ РЕДАКТОРА

Разговоры о нации и национализме в России чаще обнажают непримиримые противоречия, чем обнаруживают точки соприкосновения. Конфликтность сталкивающихся дискурсов связана, среди прочего, с несформированностью российского национального самосознания.

Один из способов взглянуть на национальное развитие России — сравнить судьбы Российской и

Османской империй в начале XX века. Османская империя, считавшая себя в то же время и Халифатом, ушла в те годы в небытие. Турецкая Республика, которая могла бы с наибольшими основаниями претендовать на правопреемство, не имеет с ней

ничего общего: другая столица, другой алфавит, другое название. Турция является личным проектом Кемалю Ататюрка, который последовательно искоренял прежнее имперско-религиозное самосознание, взамен жестко навязывая гражданам нового государства совершенно иную идентичность — национальную и секулярную.

Российская империя после серии социальных катастроф и войн восстановила свою территорию почти целиком, но прежнее государство, основы его легитимности, правители и приближенные к ним элиты были отправлены в небытие. Вместо принципа лояльности по отношению к династии был предложен не национальный, как в Турции, а утопический проект, во главу угла поставивший глобалистские задачи. В названии нового государства отсутствовала не только национальная, но даже географическая характеристика.

Вследствие этого у большинства российского населения процессы формирования национального самосознания были надолго заморожены. В Европе дискуссии о нации велись среди интеллектуальных элит, которые мыслили себя автономными от государства, но при этом разделяли с ним ответственность за судьбы своих стран. Результаты этих общественных дебатов состави-

ли основу национальной идентичности соответствующих народов.

Разумеется, в СССР любая дискуссия шла под углом зрения государства. Это оно решало, чье самосознание развивать, а чье придерживать, какой народ сослать в Казахстан, а какому установить процентную норму. Когда, обретя свободу передвижения, граждане СССР стали заполнять визовые анкеты, то в графе *Nationality* они норовили писать «удмурт» или «еврей» — советский опыт мешал сообразить, что от нас ожидают ответа о нашем гражданстве. Потому что гражданская нация в России еще не сложилась.

Задача ее формирования встала сегодня перед Россией во всей остроте, но при этом в нашей стране не накоплена практика интеллектуального дискурса нации — если под дискурсом иметь в виду среду формирования смыслов, а не совокупность высказываний государственных чиновников, ответственных за «национальный вопрос».

Расчет на то, что в России сама собой разовьется «гражданская» или «политическая» нация на основе этнической и расовой толерантности столь же прекраснодушен, сколь и грезы о демократии, которая как-нибудь образуется сама собой, без общественных усилий. Более того, представляется, что слабость национального самосознания и национальной солидарности в немалой степени является причиной того, что вместо демократических институтов, правового государства и уважения к свободе личности — основой жизни в нашей стране по-прежнему является пассивное подчинение самовластному государству.

Не достигнув хотя бы относительного согласия в том, кто мы и откуда и на каких ценностях и представлениях (кроме расплывчато-тавтологических «традиционных ценностей нашего народа») может строиться единство нации, невозможно обсуждать в содержательных терминах пути развития страны. Не наработав соответствующих дискурсивных практик, мы обречены на то, что разговор об альтернативах развития и выбо-

ре политического курса будет всякий раз превращаться в скандал с обвинениями оппонента в отсутствии патриотизма и предательстве национальных интересов.

Настоящий номер *Pro et Contra* — наш скромный вклад в интеллектуальную дискуссию о нации. Часть материалов (статьи Алексея Миллера и Валерия Тишкова) представляют собой журнальные версии текстов, подготовляемых в рамках проекта «Наследие империй и будущее России» фонда «Либеральная миссия». Каждый из авторов предлагает собственный взгляд на состояние российского общества с точки зрения национального самосознания и бытующих среди наших соотечественников представлений о нации, а также свои рекомендации по формированию нации в современной России. **Алексей Миллер** указывает, что в современной России «нет согласия в том, следует ли считать Россию нацией-государством и надо ли стремиться к тому, чтобы она стала таким государством». Кроме того, «целый клубок противоречий существует по вопросу о том, какая нация в России есть или какая нужна» — «российская» или «русская». Сам автор полагает, что «нам нужны обе». **Валерий Тишков** убежден, что «Российское государство, каким бы оно ни было по устройству, — монархией-империей, союзом республик и страной Советов или республикой-федерацией, — может и должно квалифицироваться как национальное государство». Тишков является последовательным сторонником проекта «русской» нации, поскольку в нем есть «достойное место для русского и нерусского, для православного и мусульманина без утраты собственной идентичности и групповой целостности каждым из них». **Эмиль Паин** констатирует, что в России

на сегодняшний день доминирует неоимперский проект, «подлинная же концепция гражданской нации как формы самоорганизации общества и источника народной власти в России... еще не сложилась». **Ольга Малинова** обращает внимание читателя на те трудности, с которыми сталкиваются поиски национального согласия по вопросу о нации. «Дебаты о нации, — пишет Малинова, — протекают в режиме не диалога, а конкуренции за монопольное влияние». **Александр Кустарёв** выступает за радикальное решение: по мысли автора, следовало бы вообще отказаться от понятия «нация» в политических дискурсах, поскольку оно «слишком репрессивно, то есть навязывает обществу и индивиду определенные практики, эффективность которых для общественного блага сомнительна и даже негативна».

За рамками главной темы *Pro et Contra* публикует статью **Бориса Дубина** и **Льва Гудкова**, которые анализируют результаты проведенного ими социологического исследования российской элиты. Их данные свидетельствуют об отсутствии у потенциально влиятельных групп общества «сколько-нибудь конкретного представления о ближайшем будущем страны либо о своей роли в определении этого будущего». Авторы заключают, что исследованные ими группы «элиты» ценят статус-кво нынешнего режима, а потому будут «противиться любым попыткам изменить положение вещей». **Панкадж Гемават** полемизирует с нашумевшей книгой Томаса Фридмана «Плоский мир» («The World Is Flat», рецензия на эту книгу была опубликована в № 1 нашего журнала за 2006 год), доказывая, что «реальный мир интегрирован в гораздо меньшей степени, чем нам кажется».

Мария Липман, главный редактор